

АДАБИЁТ ВА МАДАНИЯТ

РЕЦЕПТИВНОЕ ПОЛЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ

Наталья ПЕТРУХИНА

кандидат филологических наук, доцент
Узбекский государственный университет
мировых языков

Аннотация

Мақолада Ф.М.Достоевский ижоди XX аср адабий ва маданий парадигмасининг шаклланиши аспектида кўриб чиқилган; Достоевский ижодидаги код билан боғлиқ кашфиётларнинг ўз майдонида нафақат алоҳида воқеликни, балки бутун Достоевский анъаналарини интертекстуал “диалог” системасида классик адабиёт билан концептуаллаштирган XX аср жаҳон адабий жараёни учун долзарблиги аниқланган. Бунда адабий ҳодисалар ривожига анъаналарнинг “билвосита” таъсир этиш омили назарда тутилади, яъни ёзувчининг, бизнинг ҳолатимизда, Достоевскийнинг ижоди орқали “анъаналар ўзгариши” механизми ишга туширилади.

Аннотация

В статье рассматривается творчество Ф.М.Достоевского в аспекте формирования литературной и культурной парадигмы XX века; определяется актуальность кодовых открытий творчества Достоевского для мирового литературного процесса XX века, концептуализировавшего в своём пространстве не только отдельные явления, но и целостно традицию Достоевского в системе интертекстуального «диалога» с классикой. При этом учитывается фактор «непрямого» влияния традиции на развитие литературных явлений, то есть опосредованно через творчество писателя-концентра, в нашем случае Ф.М. Достоевского, запускается механизм «изменения традиционности».

Abstract

The article discusses the works by F. M. Dostoevsky in the aspect of the formation of literary and cultural paradigms of the twentieth century, the urgency code of the discoveries of Dostoevsky's work for the world literary process of the twentieth century, konzeptualisierung in your space, not only individual phenomena, but also holistic tradition of Dostoevsky in the system of intertextual dialogue with the classics. This takes into account the factor of "indirect" influence of tradition on the development of literary phenomena, that is, indirectly through the work of the writer-concentrations, in our case, Dostoevsky, triggers a "change of tradition".

Калит сўзлар: интерпретация, хронотоп, карнавализация, узлуксизлик, детерминация, микромодел, руҳий борлик.

Ключевые слова: интерпретация, хронотоп, карнавализация, преемственность, детерминация, миромодель, психобытие.

Keywords: interpretation, chronotope, carnivalization, continuity, determination, micromodel, psihopatia.

Сегодня интерес к творчеству Ф. М. Достоевского проявляется в большей степени в контексте интерпретативных смыслов: «Очевидно, что стремление заново прочитывать и интерпретировать Достоевского есть способ понимания эпохой самой себя, способ не только художественной, но и общефилософской, мировоззренческой рефлексии» (3, 3).

Для русской литературы, например, творчество Ф. Достоевского является своего рода идеологическим центром, в ракурсе которого формируется абсолютно новая качественно этико-эстетическая литературная и культурная парадигма XX века. Рассматривая рецептивное поле современной русской литературы, С.Е. Трунин подчёркивает, что «обращение к классике стимулирует выработку новых моделей мышления. Большое внимание к культурному и литературному наследию определяется рядом факторов: во-первых, классика выступает как одна из констант в осуществляемой переоценке ценностей; во-вторых, благодаря такой переоценке вырабатываются новые формы мышления; в-третьих, обращение к классике помогает лучше понять современность и ее определенные явления, а иногда происходит и спор с теми идеями, которые не прошли проверку временем»(4, 78).

Наиболее знаковыми для мирового литературного процесса XX века становятся такие кодовые открытия творчества Достоевского, как принцип карнавализации, пространственно-временная модель текста, обозначенная М. Бахтиным как «хронотоп», «пороговость» бытия и сознания личности, субъектная организация романного пространства, обозначившая новый тип романного мышления «равноценными художественными голосами-сознаниями» (М. Бахтин), психологическое и религиозно-философское обоснование «катарсичности» как эволюционной составляющей в развитии личности, определение «бесовщины» как формы онтологического бытования. Данные аспекты определяют актуальность творчества Ф. Достоевского для мирового литературного процесса XX века, концептуализировавшего в своём пространстве не только отдельные явления, но и целостно традицию Достоевского в системе интертекстуального «диалога» с классикой.

С одной стороны, Достоевский вобрал и развил традиции классического критического реализма в своём творчестве, с другой – стал мировоззренческой и собственно эстетической основой для его «рассредоточения» (*когда творчество крупного писателя, не теряя*

самостоятельного художественного значения, растворяется в последующем литературном процессе. Часто это чревато тому, что писатель, как бы растворяясь в мировом литературном процессе, оказывает всеохватывающее воздействие на его развитие) в русской литературе XX века и обеспечил тем самым наличие реалистического «фонда преемственности», являющегося, по мнению В. Хализева, наиболее важным условием литературного эволюционирования: «Неизменно присутствуют в литературном творчестве типы эмоциональной настроенности (возвышенное, трагическое, смех и т.п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), «вечные темы», сопряженные с мифопоэтическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм, которые находят себе применение всегда и везде. Обозначенные нами константы всемирной литературы, т.е. топоры (их называют также общими местами – от лат. *Loci communes*) составляют фонд преемственности, без которого литературный процесс был бы невозможен»(5, 357).

Однако следует учитывать и фактор «непрямого» влияния традиции на развитие тех или иных литературных явлений, то есть опосредованно через творчество писателя-концентра. Ф. Достоевский во многом трансформирует традиционный критический реализм, унаследованный от предшествующих русских реалистов и одновременно запускает механизм «изменения традиционности» (Д. Лихачёв) для последующих этапов развития. Д.С. Лихачёв отмечает, что подобная эволюционная стратегия может стать основой «традиционных форм в неожиданных положениях». Ярким примером этому может стать парадоксальная проявленность реалистических концептов Достоевского в творчестве русских модернистов начала XX века (в частности, Д. Мережковского, А. Белого, Л. Андреева, Д. Андреева) и русских постмодернистов второй половины XX века (например: С. Соколова, А. Битова, Д. Галковского, В. Ерофеева и других).

В русской литературе XIX века с её реалистической установкой на построение традиционной миромодели «внутренний человек – действительность», наиболее остро ставится именно проблема детерминации психобытия личности по отношению к её инвариативной художественной модели и реальных жизненных прототипов, гипотетически присутствующих в жизни. Наиболее ярко эта взаимосвязь соотносима с героями Ф. Достоевского, с одной стороны, они поразительно условны и фантазмагоричны, а с другой – жизненно правдоподобны и реальны. Так Ф. Достоевский подвергает критический реализм предшествующего этапа «изменениям традиционности» и выводит в абсолютно новый смысловой

пласт принципиальный мировоззренческий критерий реализма «произведение отражает действительность во всей сумме противоречий». Ф. Достоевский фактически идентифицирует героя как «самостоятельную действительность» и накладывает на него формулу «отражения действительности “человека в человеке” во всей сумме противоречий». Так трансформируется реалистический миметический акцент – человек становится не только отражением действительности, но и в свою очередь объектом отражения внутренних противоречий как форм проявленности «самостоятельного противоречивого бытия». Подобные трансформации в реалистическом мировидении Достоевского, на наш взгляд, и позволили уже критикам XX века идентифицировать в художественной системе писателя экзистенциальные мотивы и тенденции, обусловленные формулой «я-в-бытии»/ «бытие-во-мне». Гипотетически у Достоевского она могла звучать так: «я-в-действительности»/ «действительность-во-мне».

Психологическая сложность и неоднозначность в художественной интерпретации «человека в человеке» Ф. М. Достоевского во многом сокрыта в той глубинной многомерности «внутреннего мира» его героев, которая детерминирована авторской многозначностью понимания смысла человека и его бытия. «Бытие» у реалиста Достоевского понимается и как форма «действительности» и как проявленность человеческого сознания, то есть его «внутренний мир» и по сути становится понятием, синтезирующим классический реализм и экзистенциальные константы художественности. У Достоевского нет одномерных образов вовсе – в каждом его герое-злодее присутствует и некое внутреннее страдальческое самопожертвование, и в то же время в самом «святом» образе таится некая греховность или тяга к ней. Не случайно Л. Гинзбург писала о том, что «многозначительность и многозначность романа тайны Достоевский перенес на психологическую характеристику своих героев. Истолкование мотивов поведения персонажа неоднократно меняется по ходу романа, и каждая новая разгадка отнюдь не является окончательной»(2, 286).

Нельзя не согласиться и с точкой зрения Л. Гинзбург о том, что Ф.М. Достоевского прежде всего интересует необъяснимое в психологии и поведении человека. Однако в широком историческом плане создавая героев, он «в высшей степени был занят обусловленностью своих персонажей. Он постоянно подчеркивал свой интерес к текущему моменту, к злобе дня и неостывшему газетному материалу. Он считал себя призванным изображать типы современного сознания и в особенности тип того нового человека, которого он назвал «героем случайного семейства». Исторические силы,

порождающие тип сознания и обусловленность «тонуса среднеежедневного состояния человека» позволяют Достоевскому определять логику мотиваций поступков героев, подчиненную движению идей.

Таким образом, в творчестве Ф.М. Достоевского русский реализм не только осваивает фактическую реальность общественной и частной жизни людей, но и выходит за пределы этой реальности, постигая при этом истинную сущность Бытия в историческом, человеческом и вселенском масштабах. Принцип общей детерминированности происходящего наиболее четко определяется частной детерминированностью поведения и характера каждого персонажа в романном пространстве писателя, которые, по определению Л. Гинзбург, образуют равнодействующую поведения с множеством «противоречивых, разнокачественных воздействий. С какой-то одной точки зрения поступок персонажа парадоксален, но уже соседняя грань предлагает логическое решение... в сочетании неожиданности (парадоксальности) с закономерностью»(2, 257). Суть парадокса в том и заключена, что его невозможно разрешить. На поставленные Достоевским вопросы ответом становится новый перечень вопросов. Так, в этой системе вечных вопросов-ответов и рождается загадка детерминизма писателя, когда разрушается сам принцип объяснения, явного или скрытого. О подчинении человека идее, об идее как «центре тяжести» личности героев Достоевского существует обширная исследовательская литература.

М.М. Бахтин писал, что в каждом из героев Достоевского «мысль великая и неразрешимая», всем им, прежде всего, «надобно мысль разрешить». И в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их подлинная жизнь и собственная незавершенность... Мы видим героя в идее и через идею, а идею видим в нем и через него»(1, 115). Героев привлекает красота теории, они ощущают зависимость от цементирующей силы конкретных идей, пытаются воплотить их в действительность или провести «экспериментальную» проверку теории, страдают от несоответствия реальности идеалу, ценность человеческой жизни измеряют степенью ее «нужности» для идеи. К изначальной потребности «мысль... разрешить» восходит их экзистенциальная, социальная и моральная драма. Любое художественное произведение любого времени и направления устанавливает какие-либо связи и отношения между изображаемыми явлениями, предполагает определенные мотивировки действий персонажей. Так русская классическая литература XIX в. осваивает принцип детерминации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – 476 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе. – Л., 1999. – 328 с.
3. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 321 с.
4. Трунин С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX–XXI веков. – Москва, 2008. – 189 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999. – 465 с.